

«Каждый спектакль — это состояние души»

Наш собеседник — солистка балета Мария БЫЛОВА

— В первую очередь, разрешите поздравить вас с большим успехом во время гастролей в Лондоне. Эти гастролы еще раз подтвердили вашу репутацию одной из самых репертуарных балерин труппы.

Как складывается ваш репертуар? Чем руководствуетесь вы при его выборе?

— За поздравление — спасибо. Действительно, гастролы нашей балетной труппы в Лондоне прошли с огромным успехом. А что касается того, как сформировался мой сегодняшний репертуар, то у каждого спектакля были разные предпосылки, мотивы, театральные ситуации, определявшие мой выбор. И не всегда решала я, нередко мне предлагали подготовить какую-то партию и говорили, что это нужно театру. И прежде, чем стать балериной, я шесть лет честно отработала в кордебалете, исполняя лишь крошечные сольные партии. На первом этапе своей балеринской жизни я исполняла партии одного плана — такие, как Хозяйка Медной горы, Эгина, Мехменэ-бану. Предложение станцевать «Лебединое озеро» застало меня врасплох.

— Но для вас работа над этим спектаклем распалась на два этапа: сначала, если я не ошибаюсь, во время гастролей в Японии вы станцевали Одиллию?

— Да, так сложилась ситуация. Я подступалась довольно долго к белому лебедю. Мне приходилось искать в себе новые, непривычные для меня выразительные средства, новые краски. Сейчас, мне кажется, я потихоньку приближаюсь к тому, что мне са-

мой хотелось бы выразить в партии Одетты. Для меня каждый образ, каждый спектакль — состояние души, и мне представляется, что Одетта при всей своей мягкости и задушевности не должна быть пассивной, я бы сказала, «потухшей». В музыке я слышу волевое начало, а не только лирику. Одетта не прощает, не может простить Зигфрида. И в первой постановке Ю. Н. Григоровича, которую «закрыли», был логичный финал с гибелью Одетты. Она — максималистка, она не довольствуется малым — и именно этим интересна мне как характер. Я вообще не люблю людей пассивных, бесхарактерных — они не интересны мне.

— У вас есть любимые партии, героини?

— Много лет, мне даже кажется, всю свою творческую жизнь, я шла к одной партии, и эта партия — Анастасия. Я мечтала о русском национальном характере, о героине, воплотившей лучшие черты русской женщины. Ю. Н. Григорович сочинил такой образ в «Иване Грозном». Анастасия — не только жена Ивана, она — его любимая женщина, его отдохновение и радость, его сила и слабость. Она не кроткая и не покорная, в ней есть какое-то бунтарское начало, в ней такая глубина, такой масштаб личности, что у меня есть возможность каждый раз исполнять эту партию немножко по-другому. Ну, а старая моя любовь — Мехменэ-бану. Подобного характера в балетном театре я вообще не знаю.

— Когда впервые вы увидели «Легенду о любви»?

— Когда я поступила в театр, этот балет шел. И он меня ошеломил, открыл какие-то совершенно новые возможности балета. Я увидела в партии Мехменэ Н. Тимофееву и С. Адырхаеву, и в моем восприятии образа они естественно дополняли друг друга. Я очень люблю смотреть, как танцуют другие балерины — это всегда поучительно: и как положительный опыт, и как отрицательный. Моему поколению по-
ВЕЗЛО — НАМ БЫЛО КАРД СМОТ

реть и у кого учиться. Наши молодые балерины, мне кажется, очень редко смотрят «чужие» спектакли, у них мало, я бы сказала, «зрительского» восприятия. Мне лично интересны «чужие репетиции». Уверена, что ни Марина Тимофеевна Семеновна, ни Галина Сергеевна Уланова не будут в обиде, если я использую что-то из воспринятого на их репетициях. Ведь репетиционный процесс для нас — это источник, где мы черпаем и силы, и мастерство. Без этого книги, выставки, концерты, спектакли других театров, встречи с интересными людьми, мало значат.

— Кто был вашим первым театральным педагогом?

— После окончания училища сначала я занималась в классе М. Н. Самохваловой, потом у А. А. Варламова, когда его не стало, перешла в класс Р. К. Карельской, и все это время занимаюсь у нее, за исключением небольшого периода, когда я работала в классе М. Т. Семеновны.

Репертуар свой репетирую с Риммой Клавдиевной, а когда она уезжала в командировку, — с М. В. Кондратьевой. Все эти замечательные мастера многому меня научили.

Мне повезло, что весь репертуар мне помогали готовить балерины, на которых эти спектакли ставились, или сам Ю. Н. Григорович. То есть, всегда была возможность знать изначальный замысел хореографа. Работать с Юрием Николаевичем не только поучительно, но и очень интересно — это долгие разговоры, размышления, в которых мне открывался огромный мир образов, ассоциаций, которые и сегодня питают мои роли, это то, с чем я выхожу на сцену.

— Как влияет на ваше самоощущение в коллективе то, что ваш муж Юрий Ветров — директор балета?

— Во-первых, когда мы поженились, Юра не был директором. И творческая судьба моя в театре определилась до того, как он стал директором. Когда я поступила в театр, на меня обратил внимание Ю. Н. Григорович и сказал: «Способный материал, из него что-то можно сделать». Это стало импульсом для работы, и то, чего я добилась, результат моего труда и помощи учителей.

Юра всегда был и остается очень творческим человеком, пытливым, ищущим, и, что очень важно для меня, он — спокойный, уравновешенный человек. Я доверяю его мнению художника, балетмейстера, я думаю, он — хороший балетмейстер. Он очень помогает мне своими советами, подсказывая какие-то штрихи, нюансы. У нас, как мне кажется, удачно складываются дуэты в «Легенде о любви», «Каменном цветке». И Юра — самый строгий мой критик. Я помню, как перед спектаклем «Лебединое озеро» он после сценической репетиции сказал: «Знаешь, если ты так же выйдешь на спектакле, то лучше не выходи». В общем, он был прав — как это ни печально признавать, но первый спектакль был неудачным.

Иногда мне хочется узнать ис-

тинное отношение людей — ко мне, Маше Быловой, а не к жене директора балета. Есть друзья, которым я, безусловно, верю, а есть люди, общаясь с которыми, думаю: «Как вы будете относиться ко мне, если Юра не будет директором?».

— Почему вы, балерина в расцвете сил, поступили в Хореографический институт и несмотря на огромную нагрузку, сумели успешно закончить его?

— У каждой балерины есть свой творческий срок — 20 лет, а как дальше сложится судьба, «нам не дано предугадать...». Занятия в институте, если не относиться к ним формально, дают очень много даже для понимания нашей профессии и ее секретов. И мне всегда интересно было передать другим то, что я сама умею и знаю. У меня большой репертуар, который я получила, что называется, из первых рук, и мне было интересно передать его молодым балеринам, исходя из их индивидуальности, помочь им раскрыться. Я пробовала свои силы в этом плане, и, мне кажется, у меня есть маленькие победы. Но я — не педагог театра, поэтому готовить кого-то к спектаклю не имею права. С особым интересом репетирую корифейские сольные партии, находя в них особую прелесть. Наверное, эта любовь к репетициям у меня от Риммы Клавдиевны Карельской. Она для меня — больше, чем педагог. У нее редкий человеческий талант — потребность отдавать людям свои знания и опыт. Мы зовем ее «мама Римма»; у тех, кто работает с Риммой Клавдиевной, нет от нее секретов. О себе могу сказать, что выросла в ее руках.

А кроме того, есть партии, которые я не танцевала и уже, наверное, не станцую. Их можно было «пройти» в институте.

— Например?

— Жизель. Несбыточная моя мечта.

— Вы говорили о выставках, концертах, спектаклях других театров... Когда же вы успеваете?

— Стараюсь успевать. Наши с Юрой близкие друзья — художники, и они помогают нам не пропускать интересные выставки. Один из них — Андрюша Костин, очень талантливый график. Кстати, его отец, Л. К. Костин, много лет проработал у нас в театре. Одно из самых ярких музыкальных впечатлений последнего времени — концерт памяти Бориса Гольдштейна в Большом зале консерватории.

— Вы часто бываете в консерватории?

— Одно время редко пропускали интересный концерт. Сейчас выбраться на концерт стало значительно труднее — вечера заняты в театре, а если и выдается свободный, то сил нет собраться — так выматываешься за день. Но дома у нас много аудио- и видеозаписей, и мне трудно представить нашу жизнь без музыки.

— Что доставляет вам радость помимо сцены?

— Когда муж приходит домой не очень поздно, да еще и дарит мне цветы. Я вообще при всей своей непоседливости и любознательности, очень люблю дом и хочу, чтобы в доме было уютно.

— Что вы хотите пожелать балерине и женщине Марии Быловой?

— Балерине желаю удачно выступить в партии Раймонды. Как, наверное, каждая актриса, я, в общем-то — эгоистка и люблю себя. Хотя признаваться в этом не принято. И чтобы нравиться себе, я стараюсь хорошо танцевать, делая это для себя. Я люблю себя на сцене. В танец я вкладываю весь свой характер, душу, женственность — естественно, в зависимости от того, какая это партия.

А как женщине? Наверное, пожелаю всегда оставаться женственной, любить хорошую компанию, получать удовольствие от красивых туалетов, любить нравиться... Короче говоря — оставаться женщиной.

Интервью подготовила
С БЕНИИАНОВА